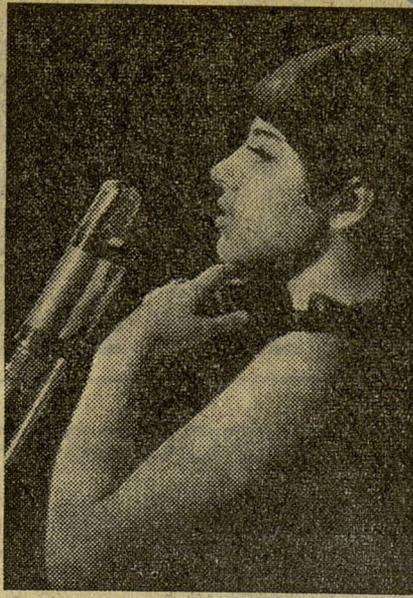

МУЗЫКА ГЮЛЛИ ЧОХЕЛИ

«Петь песни — самое прекрасное занятие на свете»
Эдит ПИАФ.

ИНОГДА бывает так: работает артист на эстраде, дает концерты, его слышат по радио и смотрят по телевидению, к нему привыкают, «на него ходят». А он себе потихоньку поет, играет или что-то там еще делает, репетирует в поте лица, и вдруг — бац! Конкурс, фестиваль или просто «божья милость». Наш друг внезапно попадает на треньку славы — и пошла писать губерния!

Слава «ломится» к нему в облике репортеров с блокнотами и магнитофонами. Он теряется, смущается. Произносит какие-то банальные фразы, боится сказать не то, что нужно, теряет покой и в одно прекрасное утро начинает с тоской думать о спокойной и блаженной жизни «до эпохи» своей популярности. Честное слово, слава — это прежде всего величайшее испытание нравственных и душевных сил художника.

К Гюлли Чохели настоящая слава пришла только сейчас, после ее блистательного выступления в Сопоте. У всех на памяти это выступление — фестиваль транслировался по ТВ. Гюлли получила первую премию за исполнение польской песни «SOS».

Так вот эта-то песня — изысканная и простая одновременно, по-польски сентиментальная и меланхоличная, по-русски страстная, по-таривердиевски сложная, не банальная — и стала для Чохели главным козырем, первой ласточкой, принесшей ей славу и авторитет среди тех, кто ревностно любит песню. Но при всем моем пристрастии к певице и к ее творчеству я все же не могу закрыть глаза на то, что у Гюлли хватает друзей, но и в противниках недостатка нет. И уж совсем мало единомышленников. Она слишком трудно живет в искусстве, чтобы не замечать этого. Больше десяти лет насчитывает ее практический опыт, но сколько же драматических перипетий на этом пути! Сколько взлетов, метаний, падений и ошибок! Необычайная уплотненность внутренней жизни певицы, противоречивая неуравновешенность натуры, горделивость, переходящая иной раз в заносчивость, — все это лишь штрихи к портрету Гюлли Чохели. Писать о ней трудно. Потому я ограничусь всего одной стороной ее творчества.

Гюлли исполняет репертуар самый разнообразный. Здесь популярные песни советских авторов (их поют все), здесь международный шлягер (его тоже у нас жалуют). Гюлли разборчива: вы почти не встретите у нее тех же песен, что поют другие «звезды». Одним нравится, как она «делает» всякие там «хали-гали» и шейки, других завораживают ее грузинские песни, третьи — третьи любят джаз и ее в джазе. Я принадлежу к третьим.

ВНАЧАЛЕ была песня. Гюлли занималась музыкой в школе при Тбилисской консерватории, лихо играла на рояле и потихоньку пробовала исполнять партии колоратурного сопрано. Парадокс? Скорее закономерность. Уже тогда в слове «музыка» был для нее за-

ключен весь громадный, неведомый мир. Она шла на ощупь, ушибалась, спотыкалась, но шла. Ей открылась песня.

Потом работа в оркестре «Рэро», знакомство с джазом, приглашение к Рознеру, выступления с оркестром Лундстрема. Лучшая школа для эстрадной певицы. А для джазовой?

— Элла Фитцджеральд, — говорит она, — вот моя незримая «школа» джаза.

Она резка в обращении, говорит отрывисто, даже раздраженно. Я знаю, это следствие ее неудовлетворенности вчерашним выступлением. На сцене же Гюлли нежна и ласкова, даже кокетлива. Очаровательная женщина с огромными глазами. А в жизни... Никогда не можешь точно сказать, что она «выкинет» в следующий момент. В этом она вся. Жесткая, колючая, непримиримая, если это касается работы. Музыканты не всегда выдерживают ее требовательность. Может быть, поэтому ей отчасти не везет с ансамблями. Она и сейчас ищет музыкантов-единомышленников. Потому что с ней никто и дня не проработает, если не будет чувствовать музыку так же, как она.

Однажды ей как будто повезло — она долго работала с превосходным ансамблем «Чанги» Бориса Рычкова. В советском джазе это едва ли не лучший пианист, музыкант с безукоризненным вкусом и огромным творческим потенциалом. На прошедшем фестивале джаза в Таллине Гюлли и Борис получили звание лауреатов. В Сопоте большим успехом пользовались аранжировки песен «Музыка» и «SOS», сделанные Борисом Рычковым. Сейчас Гюлли поет его собственные песни и, вероятно, повезет их в Париж и в Рио-де-Жанейро.

Гюлли поет Гершвина и Кола Портера, Дюка Эллингтона и Роджерса. Для нее написана полная сдержанной страсти «Дорога к тебе» (из джазового альбома Н. Дугашвили). Наверное, что-то очень большое и глубокое объединяет грузинскую музыку и негритянский джаз: страсть, поэзия, человечность, темперамент?

Квинтэссенция этих понятий, прорвавшаяся через тревожное ощущение правды, через ожидание чуда, через душевное смятение, решительность и неуверенность, открывается у Гюлли внезапно. Она долго готовит публику к самому трудному — делает уступку: то «пережмет» в чувствах, то излишне покетничает, то увлечется непривычными модными ритмами. А там, внутри, работа. Пока вырвется наружу простая и трагическая мелодия Гершвина, пока найдет выход неумный темперамент, истинно титанические усилия совершаются над собой. И наконец взрыв, обвал, лавина — джаз!

Гюлли оттачивает, шлифует, совершенствует свое пение. Не все у нее идеально: иногда слышатся фальшивые нотки, часто захлестывает темперамент, изменяет и вкус... Может быть, ее стихия все-таки джаз, но она хочет драматических песен. Это ее право как певицы. Гюлли ищет. Она ищет искусство в себе, бросается из крайности в крайность, отчаивается, возносится, замыкается, но ищет.

Л. ГЕРАСИМОВА.

1 4 ОКТ 1967
МОСКОВСКИЙ КОНСОМОЛЕТ
Г. МОСКВА